

The background of the cover is a detailed illustration of a soldier in a combat environment. The soldier, a man with a beard and short dark hair, is shown from the chest up, looking off to the side with a serious expression. He is wearing a green military uniform and a tactical vest with several pouches. A radio is attached to his vest. He is holding an assault rifle across his chest. The background is a fiery, orange-red sky with silhouettes of other soldiers in the distance, some holding rifles. The overall tone is dramatic and intense.

ИСА НОХЧО

ВОЙНА
ЗАБИРАЕТ
ЛУЧШИХ

Том 1

Иса Нохчо

ВОЙНА ЗАБИРАЕТ ЛУЧШИХ

«Автор»

2025

Нохчо И.

ВОЙНА ЗАБИРАЕТ ЛУЧШИХ / И. Нохчо — «Автор», 2025

Чечня. Война, забравшая отцов и детей, семьи и надежды. «Война забирает лучших» — это пронзительный роман о выживании, памяти, долге и боли. История Мусы и Сулимана — не просто хроника двух судеб. Это голос народа, оглушённого потерями и предательством, но не сломленного. Это правда о том, как война калечит души, как матери молятся за своих сыновей, как молодые мужчины становятся мужчинами не по возрасту, а по боли. В книге нет выдуманных героев — каждый персонаж будто сошёл со страниц жизни. И пусть это художественное произведение, в каждой строчке — пульс реальности. Это роман о силе духа, семье, чести и вере. Для тех, кто готов заглянуть в глаза войне — и увидеть в них человека.

© Нохчо И., 2025

© Автор, 2025

Иса Нохчо

ВОЙНА ЗАБИРАЕТ ЛУЧШИХ

ИСА НОХЧО

ВОЙНА ЗАБИРАЕТ ЛУЧШИХ

ТОМ 1

Лучшим сынам чеченского народа, сражавшимся во имя мира и справедливости на своей земле – посвящается!

Глава 1

Муса вернулся домой с работы. Сегодня жена собиралась приготовить вкусный ужин – национальное блюдо, жижиг-галнаш, любимое у всей семьи.

Семья Мусы – это двое очаровательных детей: десятилетний сын, восьмилетняя дочь и жена Малика.

Сын учился в четвёртом классе, дочь – во втором.

Сам глава семьи отсидел в тюрьме пять из семи назначенных судом лет. Его освободили условно-досрочно за примерное поведение.

У бывшего участника сопротивления, заключение и войны отняли почти пятнадцать лет жизни.

В первую войну он сражался в рядах ополченцев против федеральных войск. Тогда он потерял всю свою семью: родители погибли от прямого попадания авиабомбы в дом. Единственного брата российские военные увезли во время «зачисток». В фильтрационном лагере его пытали до смерти, добиваясь признания в участии в вооружённых формированиях. Мусе пришлось продать участок с разрушенным домом, чтобы выкупить тело брата у военных и похоронить его по-человечески.

К концу войны Муса остался без родителей, без брата, без крыши над головой и без средств к существованию. Родственники поддерживали его, чем могли, но он старался не быть никому обузой. Жизнь в разрушенной республике была тяжёлой для всех.

О покупке нового участка и строительстве дома Муса даже не мечтал. В послевоенной Чечне, с полностью разрушенной инфраструктурой, найти работу было почти невозможно. Его строительные навыки были невостребованны.

Он выживал, как мог: подрабатывал у дяди в автомастерской, пробовал себя в торговле, хватался за любую честную работу, лишь бы не пойти по криминальному пути. Даже попытался устроиться в силовые структуры к бывшим боевым товарищам – но понял, что это не его путь.

Пока он искал себя, началась вторая война. И Муса снова встал в ряды сопротивления.

Вторая война разительно отличалась от первой. В движении сопротивления уже не было того братства, единства и сплочённости. Среди ополченцев появились иностранцы – в основном выходцы из арабских стран. Наивные чеченцы поверили в их благочестие, в искреннее стремление помочь народу обрести свободу и построить государство, основанное на шариате. Они последовали за ними.

Но очень скоро всё изменилось. Вчерашние братья, вставшие под чужие знамена, начали смотреть искоса даже на своих родных.

Если в первую войну чеченцы были готовы умирать друг за друга, терпеть боль без обезболивающих, лишь бы другу досталось больше, если делились последним хлебом и подпускали к костру ближнего – то теперь всё это осталось лишь в небольших кругах близких друзей.

Те, кто встал под флаги иностранных эмиссаров, начали считать всё чеченское – обычаи, традиции, даже язык – враждебным. Многовековые традиции стали восприниматься как язычество. Почитаемых поколениями богословов называли шарлатанами. Народ им ответил недоверием.

Если в первую войну бойцам отдавали последнее и принимали их как своих, теперь – избегали, отказывали в ночлеге, сторонились. Народ чувствует сердцем: кто воюет за него, а кто – ради себя.

Муса давно не участвовал в активных боях, ещё до ареста, но и к мирной жизни вернуться не мог...

Он даже не мечтал, что когда-нибудь его дети пойдут в школу, он сам найдёт работу, а жена будет пользоваться бытовыми удобствами. Не верил, что сможет идти домой среди бела дня, не оглядываясь, не прислушиваясь к каждому шороху. Не думал, что будет крыша над головой, и что вечерами семья сможет спокойно гулять по парку, не пугаясь каждого кустарника. Он и представить не мог, что будет спокоен за будущее своих детей.

Теперь всё изменилось.

Мир, который когда-то казался ему серым и мрачным, раскрылся во всей яркости – как радуга после дождя.

И причиной этих перемен, стала случайная встреча с боевым товарищем.

Когда началась война, Мусе было всего шестнадцать. Он работал подсобным в строительной бригаде отца.

Война забрала у него, как и у тысяч его сверстников, лучшие годы жизни. Он понимал, что всю оставшуюся жизнь он проживет с раной в груди и болью в сердце.

До сих пор он вскакивал по ночам в холодном поту – в ушах звучали взрывы, перед глазами мелькали лица погибших друзей.

Но не смотря на тяжелое прошлое и неизвестное будущее, он не мог нарадоваться новой жизни.

А Малика с удивлением замечала: на его суровом лице всё чаще появлялась улыбка. Взгляд, прежде холодный, становился тёплым. Он возвращался к жизни – и хотел жить.

После вечернего намаза Муса сел в кресло перед телевизором. Дети делали уроки, Малика готовила ужин.

Сын подошёл к отцу.

– Пап, можно поиграть на компьютере?

– Иди играй. Кто тебе мешает?

– Мама.

– А что она?

– Разрешает только час.

Малика, услышав разговор, поспешно вышла из кухни:

– Я же тебе сказала – только час в день! Не ной. Иди делай уроки.

– А что случилось? – вмешался Муса.

– Я была на родительском собрании. Учителя жалуются: дети полусонные, ночами играют за компьютером. Вся голова, в стрелялках и гонках. Даже в правительстве это уже обсуждают! Я сегодня купила им сборник сказок – пусть читают, это полезней будет.

– Ну, тогда прости, сынок. Маму и учителей надо слушаться.

– Мам, мне всего пару минут доиграть...

– Нет! – строго сказала Малика. – Завтра у тебя будет целый час. И вообще, в эти стрелялки, я запрещаю тебе играть.

– А во что тогда играть?

– Машинки, головоломки. Или мультики с сестрёнкой посмотри.

Когда Малика произнесла слово «стрелялки», в сознании Мусы вспыхнули лица погибших товарищей. В ушах гремели взрывы, автоматные очереди.

Он мысленно прошептал: «Да убережёт вас Всевышний от войны. Жизнь отдам, лишь бы вы не увидели то, что видел я».

– Мама права, сынок. Слушайся. И делай, что она говорит.

Сын вздохнул и вернулся к урокам.

Малика позвала всех ужинать. После еды она уложила детей спать. До ночной молитвы оставалось немного времени, и Муса, как обычно, взялся за книгу – он наверстывал упущенное.

Он много читал, изучал новое, осваивал компьютер – всё то, что было недоступно в годы войны.

К нему подошла Малика.

– Ты не собираешься спать?

– А сколько времени? Я же ещё ночной намаз не совершил.

– Уже пора.

Муса встал, достал из кармана куртки деньги и протянул жене.

– Завтра пораньше сходи на рынок. Купи всё, что нужно. Завтра у нас мавлид.

– Ты получил зарплату?

– Да. И я хочу, чтобы мои первые честно заработанные деньги пошли на угощение тем, кто будет читать мавлид.

– Хорошее намерение. Дай Аллах. Жалко, что многих, кого бы мы хотели видеть, уже нет рядом.

– Они остались в наших сердцах. И только смерть сотрёт их из памяти.

– Иногда они мне снятся... – еле сдерживала слёзы Малика. – А Сулиман приедет?

– Конечно. И Сулиман, и Ахмед, и Мадина с Айшат. Все будут.

– Без твоих друзей мы бы не выжили. Да убережёт Всевышний их от бед.

– Амин. Я и тебе благодарен, что тогда смогла убедить меня, вселить надежду. Я ведь боялся, что ты не выдержишь новых испытаний.

– Муса... Какие испытания? Что может быть страшнее того, что мы уже пережили?

– Слава Всевышнему, всё страшное уже позади. Я надеюсь.

– Слава Аллаху. Иди, соверши намаз и отдохни. Ты наверное устал. Я утром отведу детей в школу и пойду на рынок. Соседку попрошу помочь, ладно?

– Конечно. Как хочешь.

Так закончился ещё один обычный день в семье бывшего ополченца.

Они вспоминали прошлое, радовались настоящему и строили планы на будущее.

И ложились спать, с надеждой встретить мирный, спокойный, живой новый день.

Муса тогда ещё не знал, что всё это – лишь временное затишье.

И впереди его еще ждут испытания, которые окажутся куда тяжелее, чем война... или тюрьма.

Глава 2

Одним из тех, кто сыграл важную роль в возвращении Мусы к мирной жизни, был Сулиман – мужчина сорока лет, чья биография могла бы лечь в основу не одной книги. За последние двадцать лет он пережил всё: потери, бои, бегство, одиночество. Мало кто мог рассказать о своей жизни столько, сколько Сулиман.

Когда началась война, ему было чуть больше двадцати. Его отец, Салман, ветеран афганской войны, после развала СССР вернулся с семьёй в Чечню из Волгоградской области и основал небольшое фермерское хозяйство в родном селе Ведено.

Сулиман гордился отцом. Часто показывал друзьям его боевые награды, ордена и медали. Он мечтал быть похожим на него во всём, надеясь однажды пойти по его стопам. Но он ещё не знал, какую суровую и беспощадную школу ему предстоит пройти – такую, которую выдержит не каждый взрослый мужчина. Хотя, по правде, в те годы почти каждый чеченский юноша прошёл через подобное. У каждого – своя страшная история. Общим у всех было только одно: время войны. А за пределами республики мало кто поверит, что человек способен пережить столько физической и душевной боли – и остаться в живых и в здравом уме.

Когда первые добровольцы – ровесники Сулимана, его друзья и соседи – уходили на фронт, он и сам не раз рвался присоединиться к ним. Но отец был категорически против. Это вызывало у Сулимана искреннее недоумение. Как так – бывший военный, прошедший Афган, и против участия сына в защите своей родины?

– Война, Сулиман, – говорил Салман, – это не то, что ты видел по телевизору. Это страшнее, чем ты можешь себе представить. Надеюсь, она обойдёт нас стороной.

Сын чувствовал, что дело не в страхе. Что-то другое гложет отца, что-то, о чём он не говорил никому.

А война тем временем набирала обороты. Она не пришла к границам республики – она сразу оказалась в сердце Чечни. Российская бронетехника по непонятным причинам миновала пограничные районы и вошла в Грозный, откуда стала растекаться по всей республике.

В столице жил родной брат Салмана – Беслан. Он владел строительной фирмой, его бизнес процветал. Но с началом войны, он старался спасти хотя бы часть имущества. С помощью родственников ему удалось вывезти немного стройматериалов и инструмента. Рабочие разбежались. Всё, что было нажито трудом, оказалось под угрозой мародёров и сожжения. Когда поездки в город стали особенно опасны, Беслан перестал брать с собой братьев. Он сам, рискуя жизнью, ездил “в разведку”, чтобы спрятать то, что ещё можно было сохранить.

Война шагнула и в горные сёла. В Ведено уже хоронили первых погибших – в основном мирных жителей с равнины и ополченцев. Многие из тех, кто вначале рвался на фронт, теперь сидели дома. Война показала своё истинное лицо – и желание быть “героем” таяло. Но потом они поняли: погибнуть можно и в собственном дворе. “Если уж умирать, – говорили они, – то с оружием в руках. Пусть хотя бы одного из них утащим с собой”.

Наступила весна – любимое время года Сулимана. Он всегда любил смотреть, как расцветают деревья, зеленеют поля, как односельчане выгоняют скот на пастбище. Но в этом году всё было иначе. За полгода войны он потерял нескольких родственников и друзей. В село хлынул поток беженцев. Их принимали почти в каждом доме – и в доме Салмана тоже.

Ферма стремительно сокращалась. Беслан менял стройматериалы на еду, чтобы прокормить людей. Он тоже стоял на грани разорения. А конца войне всё не было видно.

Салман стал часто исчезать. Молчаливый, похудевший, он почти ни с кем не разговаривал. Возвращался домой поздно, хмурый. Лишь брату говорил, куда уходит. Сулиман не знал, что происходит, но чувствовал – что-то важное.

Однажды Салман пришёл домой с оружием. Он позвал брата и о чём-то долго говорил с ним наедине. Затем подозвал Сулимана.

– Я больше не могу ждать, – сказал он. – Беслан, я оставляю семью на тебя. Скоро мы не сможем помогать беженцам, а самим не на что будет жить. Продай всё, что осталось, и уезжайте. Помнишь Азата? Езжайте к нему.

– Ты думаешь, он нас примет? – усмехнулся Беслан. – Да, там не бомбят, но мы будем чужими.

– Ты плохо знаешь Азата.

– Знаю, как и ты. Он приютит нас, если сможет. Но дадут ли ему? Его замучает местная администрация. Да и кто знает, где он сейчас? Может, тоже где-то здесь, с автоматом бегает.

– Он никогда не придёт с оружием на мою землю, – коротко ответил Салман.

– А кто его спросит? Нет, пока останемся здесь. Попробую продать остатки, а там переберёмся в Ингушетию.

Наступила тяжёлая пауза. Мужчины молчали. Беслан не стал отговаривать брата. Салман и так долго сдерживался. Даже после гибели родных он не спешил брать оружие. Но вчера он похоронил Тимура – своего лучшего друга, с которым прошёл Афганистан.

Азат – старый боевой товарищ Салмана, татарин, проживал в Волгограде. Они вместе служили в ВДВ, потом стали почти роднёй. Сулиман молча ждал, что решат старшие.

– Ты теперь хозяин в доме, – обратился к нему Салман. – Пришлось тебе повзрослеть раньше времени. Не подведи меня.

– Что ты собираешься делать? – спросил Сулиман, хотя и так всё понял.

– Когда уходишь? – поинтересовался Беслан.

– Утром, – коротко ответил Салман.

Беслан не стал спрашивать, куда и к кому он направляется. Потому что знал – теперь об этом известно только Всевышнему.

Глава 3

В ту ночь Сулиман долго не мог уснуть. Он лежал в одной комнате с отцом и дядей Бесланом.

Ему было стыдно вспоминать, что всего несколько дней назад он считал своего отца трусом. Отец, которым он всегда гордился, ветеран, а во время войны на родной земле предков – сидит дома. Даже после гибели множества родственников он не шел на фронт. Сулиман восхищался мужеством и отвагой Салмана и был уверен: если отец, обладая боевым опытом, присоединится к ополченцам, он сможет повлиять на исход войны, изменить ход событий.

Но Салман по-прежнему занимался хозяйством. В их доме не было даже пистолета – несмотря на то, что приобрести оружие в то время в Чечне было совсем несложно. Видимо, за годы проведённые с оружием в руках, он устал от войны и просто хотел мирной жизни.

Теперь же, когда отец всё-таки ушёл, Сулиман был готов отдать многое, лишь бы он остался. Он даже не стал проситься с ним – знал, решение принято.

Утром в комнате был только дядя – он спал крепко, словно без сознания. Видимо, и сам долго не мог уснуть. На улице стояла непривычная тишина: ни выстрелов, ни автоматных очередей, ни гула самолётов. Наверное, в этом и была причина глубокого сна Беслана.

Когда Сулиман выбежал на кухню, там были только мать и младшая сестра. Мать сидела за столом, задумавшись. Сестра Роза, крепко сжимая руку матери, тревожно смотрела ей в лицо.

– Где отец? – воскликнул Сулиман.

Мать медленно повернула голову и с грустью посмотрела на сына.

– Не кричи. Дядю разбудишь... Отец ушёл, – тихо сказала она. – Я не смогла его удержать.

– Куда ушёл? – спросил Сулиман, хотя уже всё понял.

Они несколько секунд молча смотрели друг другу в глаза. Ответ был не нужен – всё и так было ясно.

– Умойся и садись завтракать. Как дядя проснётся, вам нужно будет попробовать продать оставшийся скот.

– Где мы его продадим? Кому он сейчас нужен? У людей нет денег, а те у кого были – давно уехали из республики.

– Ты останешься присматривать за скотом, а дядя поедет в Шали. Попробует найти покупателя. Конечно, на рынок гнать скот никто не будет.

Когда Беслан проснулся, он позавтракал и уехал в Шали. После обеда вернулся на грузовой машине. Следом подъехала легковушка – в ней сидели трое мужчин. В это время Сули-

ман находился на пастбище за селом. Он не отгонял скот далеко – по лесам часто наносили артиллерийские и авиаудары.

Покупателей пригласили в дом, угостили обедом. Затем Беслан повёз их на пастбище.

На тот момент у семьи Салмана оставалось пятнадцать голов крупного рогатого скота. Мужчины осмотрели животных – начался торг.

Сулиман был готов отдать хозяйство за любую цену. Главное – избавиться от бремени и выручить хоть какие-то деньги, чтобы решить вопросы с переездом и помочь беженцам, живущим у них. Но дядя не торопился. Он не знал, что будет дальше, куда ехать и как их примут. Будущее оставалось туманным, а деньги были нужны остро.

В итоге покупатели взяли только восемь голов. Их погрузили в грузовик. Также дядя продал им немного стройматериалов.

Глава 4

Прошла неделя. Беслан зарезал двух бычков – часть мяса пошла на корм семье и беженцам, остальное он пустил на продажу.

Поздним вечером уставшие домочадцы разошлись по своим спальням. Сулиман спал в одной комнате с дядей и двумя братьями-беженцами.

Глубокой ночью в окно постучали.

Мужчины тревожно приподняли головы. В напряжённой тишине все уставились на окно.

– Беслан, – послышался голос снаружи.

– Отец! – вскрикнул Сулиман и, как стрела вылетел из комнаты, услышав голос Салмана.

Он выбежал во двор и хотел броситься в объятия отца. Но, по чеченскому обычаю, сын не имел права делать это в присутствии посторонних. С Салманом были ещё двое вооружённых до зубов мужчин. Спустя несколько секунд к ним осторожно подошли ещё двое.

Сулиман поприветствовал товарищей отца традиционным полуобъятием.

– Здесь тихо? – спросил Салман у сына надеясь, что тот один в доме.

Но тут к ним вышел Беслан, в сопровождении двух братьев-беженцев.

– Почему вы до сих пор здесь? – повысил голос Салман, обращаясь к старшему брату.

Он редко позволял себе такой тон по отношению к Беслану, но сегодня был не тот день.

Беслан понимал состояние брата и решил не отвечать на резкость.

– Мы ещё не успели избавиться от хозяйства, – спокойно ответил он.

– Да гори оно всё огнём! – не унимаясь, бросил Салман. – Людей надо спасать. Ты о детях думаешь?

Беслана начало раздражать поведение младшего брата и он, чтобы сменить тему, повернулся к племяннику.

– Сулиман, иди к Мадине и скажи, чтобы накрыла на стол. Ребята, наверное, голодные, – строго сказал он.

Сулиман нехотя оставил мужчин и пошёл в дом.

– Ты что, при младших решил со мной так разговаривать? – повысил теперь голос Беслан, как только племянник ушёл. – Ты думаешь, нам тут комфортно? Ты знаешь, куда и к кому мы поедem? Сколько нам нужно денег? Как мы устроимся? Хочешь, чтобы твои дети просили подаяние или воровали?

Салман молчал. У него не было ответов. Только боль.

Глава 5

Сулиман вбежал в дом, чтобы сообщить матери: отец вернулся, и не один. Электричества в селе давно уже не было. Комнаты освещали старые керосиновые лампы.

На кухне женщины уже суетились. Они слышали, что к дому подошли люди. Кто именно – пока неизвестно, но ясно одно: гостей нужно будет накормить.

Мадина приложила палец к губам:

– Тихо ты, – шепнула она. – Детей разбудишь.

Только теперь Сулиман заметил малышей на тахте. Дети спали, прижавшись друг к другу, словно котята.

– Отец пришёл, – так же тихо сказал он. – С ним ещё четверо.

Мадина едва сдержала слёзы. Но, будучи сильной женщиной, сумела совладать с эмоциями. Перед сыном она оставалась собранной.

Мужчины вошли на кухню. Женщины, увидев их, не выдержали – глаза наполнились слезами.

– Да убережёт вас Аллах, – шептали они, расставляя блюда. – Да поможет Он вам.

– Мадина, перенесите детей в нашу комнату, – тихо сказал Беслан. – Мы останемся здесь. Вы же останетесь на ночь? – обратился он к Салману.

– Нет, – ответил брат. – Отдохнём пару часов и пойдём дальше.

Сулиман и двое беженцев уселись на тахту. Салман с товарищами начали трапезу. Молодая девушка из числа беженцев, по одному перенесла спящих детей в соседнюю комнату. Две другие женщины ухаживали за гостями.

Беслан заметил, что друзья Салмана явно голодны, и похоже, их смущает присутствие женщин.

– Вы свободны. Пока ничего не нужно. Мы позовём вас, если понадобится, – мягко сказал он.

Женщины быстро покинули кухню.

Гости жадно и торопливо ели. Было видно, что горячую еду они не пробовали уже много дней.

Салман сильно изменился. Худой, обросший, молчаливый – он почти не разговаривал.

После еды один из бойцов уснул прямо за столом. Остальных начало клонить в сон.

– Отдохните немного, – предложил Беслан. – Мы посидим во дворе.

Он, Сулиман и двое беженцев вышли из дома. Остальные остались на кухне.

Они просидели под беседкой почти три часа. На улице уже начинало светать.

– Конечно, хочется чтобы они отдохнули, – сказал Беслан. – Но боюсь, они рискуют, задерживаясь.

Сулиману не терпелось поговорить с отцом. Он хотел было попросить разрешения пройти на кухню, но промолчал.

Словно угадав его мысли, Салман с товарищами вышли из дома и подошли к ним.

– Мы пойдём, – сказал он и направился к воротам. – Берегите себя.

На миг их взгляды с Сулиманом пересеклись. Салман, особенно в присутствии посторонних и старших, почти не говорил с сыном. Им было достаточно просто взглянуть друг другу в глаза.

– Будь мужчиной, – тихо сказал он.

Гости поблагодарили за кров и пищу, и вскоре покинули двор.

Мужчины проводили их до ворот. Сулиман решил пойти дальше.

– А ты куда? – спросил один из бойцов.

– Провожу вас. До соседней улицы.

Салман, шедший впереди, обернулся, услышав голос сына. Подошёл к нему.

– Это наш сын, – пояснил он товарищам.

Теперь, среди своих, он мог позволить себе разговор с сыном.

– Как ты, Сулиман? – спросил он.

Товарищи, оставив их наедине, пошли вперёд.

– Отец, разреши пойти с вами, – попросил Сулиман.

– Нет. А кто тогда останется с матерью и сестрой?

– Они не останутся без присмотра...

– Даже не думай. Всё. Пора тебе возвращаться. Будь мужчиной. Теперь ты старший в семье. Не подведи меня. Надеюсь, война скоро закончится, и мы вернёмся домой, – сказал Салман и поспешил за товарищами.

Сулиман остался стоять на месте, провожая взглядом отца и его друзей, пока те не свернули на соседнюю улицу.

С понурой головой он медленно зашагал обратно к дому.

Глава 6

Рано утром Беслан снова отправился на рынок в Шали – попытать удачу и продать остатки хозяйства. С ним поехали двое мужчин из числа беженцев, приютившихся в их доме. Им было неловко просто сидеть без дела, и они хотели хоть чем-то помочь семье, приютившей их в трудное время.

Сулиман уже собирался отгонять скот на пастбище, когда по селу прошёл слух: сегодня здесь будет «зачистка».

О предстоящих зачистках российские военные обычно предупреждали заранее – через местных, с кем были в контакте. Таким образом, они страховали себя: вооружённые люди, если таковые были в селе, успевали уйти или спрятать оружие. После этого военные чувствовали себя в безопасности и могли безнаказанно обыскивать дома, грабить и унижать местных жителей.

Мать категорически запретила сыну покидать двор.

– Дай я хоть скот выпущу, – сказал Сулиман. – Они сами дорогу на пастбище знают. У коров, надеюсь, паспорта не спросят.

– Но сам ни шагу за ворота! – строго сказала Мадина.

Скоро слухи подтвердились. Дом семьи Сулимана находился почти на краю села. Отсюда было хорошо слышно, как бронетехника окружает поселение. Люди тревожно ждали начала проверок.

Молодёжь – в основном юноши – ещё до прибытия военных успела уйти в лес, прихватив с собой немного еды. Они знали, чем может обернуться «проверка документов». Уже были истории, как молодых парней забирали «для выяснения обстоятельств», и больше их никто не видел. Просто исчезали...

Мадина металась между страхом и материнским инстинктом. Когда рано утром к ним заглянул троюродный брат Сулимана, звавший его присоединиться к уходящим, она твёрдо сказала: нет.

– Сулиман, ради Аллаха, умоляю: когда они придут, молчи. Ни слова лишнего, – попросила она после ухода родственника.

Она знала характер сына: он – весь в отца. Не стерпит унижения, особенно по отношению к родным. А во время зачисток малейшая дерзость могла стоить жизни.

– Может, обойдут стороной... – надеялась Мадина, глубоко вздыхая и пытаясь отвлечься на хозяйственные дела.

Сулиман сидел на кухне, перед ним – кружка остывшего чая. Он даже не притронулся к ней.

Тем временем гул бронетехники становился всё ближе – военные уже заходили на их улицу.

Мадина чувствовала, как сжимается сердце.

И вот – во двор вошли военные.

Молодые солдаты, новобранцы, беспорядочно рыскали по участку, словно свора голодных собак. Старослужащие начали обыск дома. Следом появились два офицера. От старшего несло перегаром – он явно был пьян.

Всех жильцов собрали под навесом и приказали молчать.

Первым вышел Сулиман – единственный мужчина в доме. За ним вышли женщины и дети.

Офицеры подошли. Старший, с мутным взглядом, презрительно уставился на Сулимана.

– А ты чего не убежал в лес? – выдохнул он перегаром.

– Ему не за что и не от кого прятаться, – твёрдо ответила за сына Мадина.

– Заткнись, тварь! – гаркнул офицер. – Я тебя не спрашивал!

Мадина обняла сына. Она знала: Сулиман не потерпит унижения. А за неё – тем более.

– Ради Аллаха, молчи! – быстро прошептала она ему. – Подумай о нас...

Ей показалось, что обнимает не человека, а железный столб. Сулиман сжал кулаки. Сдержаться стоило ему невероятных усилий. Он боялся не за себя.

– Молчать! – снова рявкнул офицер.

– А зачем вы с женщиной так разговариваете? – вмешался второй офицер. – Нельзя по-человечески объяснить?

– С ними?! – взревел первый. – С этими дикарями?! Их всех надо резать, как скот. Сталина на них нет!

Глава 7

В этот момент из дома вышел солдат в маске. В руках он держал парадный китель – армейскую форму, увешанную боевыми наградами.

– Товарищ капитан! – обратился он, поднимая находку. – Смотрите, что я нашёл.

Офицеры удивлённо уставились на китель.

Мадина собиралась сама показать его военным, но не знала, как они воспримут такую инициативу. Теперь, увидев форму в руках солдата, она взяла слово.

– Это китель его отца, – сказала она, указывая на Сулимана. – Он ветеран афганской войны.

Лицо капитана смягчилось.

– А где он сейчас? – поинтересовался младший офицер.

– Утром поехал в Шали по делам, – без запинки солгала Мадина.

Увидев, как изменилось отношение военных при упоминании Афганистана, она с облегчением ослабила хватку, в которой до этого удерживала Сулимана.

Остальные женщины и дети стояли в молчании, испуганно наблюдая за происходящим.

Капитан подошёл вплотную к Сулиману и положил ему руку на плечо.

– Ты что, сынок, так недружелюбно встречаешь товарищей своего отца?

– Я тебе не сынок, – резко сбросил его руку Сулиман. – И вообще, руку на плечо у нас может положить только друг.

Глаза капитана налились кровью.

– Молчи, Сулиман, – умоляюще прошептала Мадина. – Ради Аллаха, молчи...

– А почему ты со мной на “ты”? – процедил офицер, едва сдерживая ярость. – Не учили, как с офицерами разговаривать? Ты не считаешь нас своими друзьями?

– А ты кто такой, чтобы мы назывались друзьями? – спокойно ответил Сулиман.

Офицер ещё несколько секунд сверлил его взглядом. Его лицо покраснело от злости. Внезапно он размахнулся и изо всей силы ударил парня по лицу. Сулиман отлетел к стене и с глухим стуком ударился головой.

– Что вы делаете?! – вскрикнула Мадина, бросившись к сыну.

Сулиман тут же вскочил на ноги. Он не дрожал, не терял равновесия. Только глаза – полные ярости и унижения. Он смотрел прямо в лицо своему обидчику, и единственное, что его сдерживало – стоящие рядом женщины и дети.

Испуганные дети бросились в объятия матерей, словно в поисках защиты. Матери в панике прижимали их к себе.

Младший офицер шагнул вперёд, схватив капитана за руку:

– Товарищ капитан, что вы творите?!

– Расстрелять! – скомандовал тот, не оборачиваясь.

Один из солдат мгновенно снял автомат с предохранителя и направил ствол на Сулимана.

– Стоять! – громко приказал младший лейтенант.

Роза, сестра Сулимана, с криком кинулась к брату, прикрывая его собой.

– Пожалуйста, не убивайте его! Это мой единственный брат!

– Ты что себе позволяешь, товарищ младший лейтенант?! – вскипел капитан.

Дети рыдали. Их крики вперемешку с плачем женщин наполняли двор страхом и хаосом. Мадина, сжав Сулимана в объятиях, почти не дышала.

– О, Аллах... Спаси нас... – тихо шептала она, не отрывая глаз от дула автомата.

Из разбитой губы и носа Сулимана текла кровь. Но он не чувствовал боли. Только унижение. Только злость.

Он впился взглядом в капитана, и в сердце его родилась клятва:

«Ты подписал себе приговор, пьяная тварь. Я найду тебя. Ты умрёшь, как собака, и я буду рядом.»

– Расстрелять! – повторил капитан.

Солдат продолжал держать семью на прицеле.

– Не смей! – твёрдо приказал младший лейтенант.

Капитан повернулся к нему с ненавистью.

– Ты пойдёшь под трибунал!

– Возможно, – ответил лейтенант. – Но я не позволю убивать мирных людей. С этого момента операцией команду я. Вы не в состоянии действовать адекватно.

Женщины и дети замерли. Молчание во дворе было оглушительным.

– Всем покинуть двор! – скомандовал младший лейтенант.

Солдаты быстро убрались, перешагивая через разбросанные во дворе предметы. Последним вышел капитан, бормоча проклятия.

Глава 8

Только к вечеру военные сняли оцепление вокруг села.

Люди медленно приходили в себя после визита незваных гостей. Соседи заходили друг к другу, делились пережитым, спрашивали, как у кого прошла «зачистка». В тот день военные увезли для «дополнительной проверки» тринадцать молодых ребят. Никто не знал, куда именно их отвезли, когда вернут – и вернут ли вообще.

Над селом нависли тяжёлые тучи. Небо затянула бескрайняя серая пелена. Казалось, будто сама природа скорбит и вот-вот разразится горьким плачем в виде проливного дождя.

Как только военные покинули двор, Сулиман умылся и ушёл в свою комнату. Плотно прикрыл за собой дверь и запер её на щеколду.

Он с тяжёлым вздохом упал на кровать, уткнулся лицом в подушку и долго лежал, не двигаясь. Не хотелось ни видеть, ни слышать никого. Он пережил самое горькое унижение в своей жизни. Не только не смог защитить семью – он даже за себя не сумел постоять.

В юности, живя в Волгоградской области, он не знал страха. Часто участвовал в уличных драках: «двор на двор», «стенка на стенку». Но тогда его ничего не связывало. Сейчас всё было иначе. Сегодня он был ответственен – за мать, за сестру, за детей и женщин в доме. Потому и не имел права ответить, даже словом, пьяному офицеру.

Его мрачные мысли прервал стук в дверь. Это была мать.

– Сулиман! Впусти меня, мой мальчик, – негромко позвала Мадина.

Он молчал. Надеялся, что мать постоит у двери и уйдёт. Ему было стыдно. Сегодня оскорбили ту, которая ради семьи готова была отдать жизнь – и он, взрослый мужчина, не смог защитить её.

«Как теперь смотреть ей в глаза? Как вообще с этим жить?» – спрашивал он себя.

Но мать не уходила.

Нет, – подумал Сулиман. – Я должен взять себя в руки. Я не смог защитить самого дорогого человека. Но переживу. Переживу и найду этого пьяного подонка. Найду и накажу – на равных.

– Ты меня слышишь? – снова постучала Мадина.

Он нехотя поднялся и сел на край кровати. Только тогда заметил, что подушка под ним влажная от слёз. Быстро перевернул её, чтобы мать не увидела.

– Что, мама? – наконец отозвался он.

– Слава Аллаху, – с облегчением выдохнула Мадина. – Открой дверь, сынок. Зачем ты закрылся?

Сулиман помедлил, потом поднялся, открыл дверь и сразу же снова сел на кровать, опустив голову. Он не мог встретиться с матерью взглядом. Не мог показать заплаканные глаза.

Мадина села рядом и обняла его.

– Ничего не говори, сынок, – прошептала она. – Я знаю, что ты чувствуешь. Я ведь знаю, чей ты сын. То, что случилось – пережили и другие семьи. И нам придётся пройти через это. Настанут лучшие времена, я верю в это. Мы живы – и слава Всевышнему. А всё остальное... это временно. Главное – не терять себя. Ты не виноват. Ты сделал правильно. Ты думал о нас. И этим всё сказал.

Сулиман молчал, спрятав лицо в ладонях.

– Пойдём, поешь, – мягко продолжила мать. – Потом займёшься чем-нибудь во дворе, а вечером загонишь скот.

Она гладила его по спине, потом взяла подушку, чтобы поправить – и почувствовала влагу.

– Слёзы – они тоже очищают, – тихо сказала она. – И не надо их стыдиться. Просто мужчинам не стоит плакать на людях. Мой отец говорил: «Мужчина не должен стесняться слёз лишь в трёх случаях: когда слышит песню о настоящей дружбе и кристально чистой любви, когда читают мавлид, и когда вспоминает ушедшего друга». Сегодня ты не мог поступить иначе. Ты бы погиб, и мы все – вместе с тобой. Те, кто у нас нашли приют – тоже. Ради чего? Ради одного удара? Ради мести в агонии? Это не был тот случай, когда можно было отстоять честь. Всё должно быть по времени, по уму. Запомни это. Не прощай, но и не торопись. Придёт день – и будет суд. Не человеческий. Высший.

Она улыбнулась и погладила его по голове.

– Сделай глубокий вдох, сын мой, – прошептала она. – У тебя внутри, настоящий мужчина. Достойный сын своего отца. Да убережёт нас Всевышний от бед и позора.

Она встала, направилась к выходу и обернулась в дверях.

– Мы ждём тебя на кухне.

Глава 9

Было уже к вечеру. Военные покинули село, но Беслана и двух братьев-беженцев всё ещё не было. Домочадцы начали всерьёз беспокоиться.

Сулиман отправился на пастбище, чтобы пригнать скот домой.

Из леса, небольшими группами, начали возвращаться молодые люди, которые на время «зачистки» покинули село.

Сулиман уже гнал скот, когда его догнали трое ребят – один из них был его троюродный брат, тот самый, что заходил к нему утром.

– Как прошла зачистка? – спросил он.
– Нормально. А как пикник? – с усмешкой ответил Сулиман.
– Знаешь, неплохо. Жаль только, гитару не захватили, – подыграл брат. – А это у тебя что с губой?
– Да так... Ударился. Поскользнулся на ступеньках.
Двое друзей брата шли позади, немного отстав.
– Ну ладно... Неужели били тебя? – почти шёпотом спросил родственник.
Сулиман помрачнел. На лице отразилась тень внутренней боли.
– Да, – выдохнул он. – Один раз ударили. Хотя, какая разница – один раз или много.
Лучше бы молча били, чем как это было.
– Оскорбляли?
– Мягко сказано. Меня чуть не расстреляли.
– Да ты что!
– Да. Хорошо, что среди них оказался один нормальный человек. А не то, пришлось бы тебе завтра хоронить ещё одного брата, – сказал Сулиман, натянуто улыбнувшись.
– Слава Богу, что обошлось. Говорят, кого-то забрали?
– Забрали. Пока отпустили только троих.
– Ты не знаешь, кого именно?
– Пока нет. Не успел разузнать.
На перекрёстке ребята попрощались, и Сулиман погнал скот дальше к своему дому.
– А дядя не вернулся? – спросил он у сестры, когда зашёл во двор.
– Нет. Мама пошла к родственникам, предупредить, – ответила Роза.
Женщины-беженки также начали тревожиться из-за долгого отсутствия своих мужчин. Только дети беззаботно играли во дворе... в «войнушку». Они ещё не знали, что такое настоящая война. Кто-то из них, возможно, погибнет в ней.
Вскоре вернулась Мадина – подавленная, с тревогой в глазах.
– Он бы не стал задерживаться просто так, – проговорила она. – Да убережёт нас Аллах от дурных вестей...
Им оставалось только ждать.
Когда уже стемнело, на пороге появился один из братьев-беженцев – Исмаил. Невысокий, худощавый, сейчас он казался особенно маленьким и потерянным.
Женщины тут же обступили его, засыпая вопросами:
– Где остальные? Что случилось?
– Нас троих задержали ещё утром, – начал Исмаил. – Меня отпустили сразу. Я ждал до вечера, надеясь, что их тоже отпустят. Но оставаться там было небезопасно. Завтра с утра вернусь за ними.
– Документы были с собой? – спросила одна из женщин.
– Полный порядок. Сейчас даже спать без них опасно, – грустно пошутил Исмаил. – Отпустят. Просто не успели всех допросить. Много мужчин задержали сегодня – и на рынке, и из соседних сёл.
Мадина с трудом уговорила его поужинать. После тяжёлого молчания, все улеглись спать.
Далеко за полночь, в окно Сулимана раздался тихий, но узнаваемый стук. Он сразу понял – это отец. Сулиман вскочил и бросился к окну.
– Беслан... – тихо позвал Салман.
– Сейчас выйду, отец, – ответил Сулиман и поспешил на улицу. За ним вышел и Исмаил.
– Дяди нет, – сказал Сулиман, подходя к отцу.
С Салманом были те же вооружённые мужчины.
– Как нет? – удивился Салман. – Где он?

– Мы втроём поехали сегодня утром в Шали, – пояснил Исмаил. – Нас всех троих задержали, меня отпустили, их – нет.

Он пересказал всё, что знал.

– Говорил же я ему: «Продавай за любую цену и уезжайте», – сокрушался Салман. – И чего он теперь добился?

– Всё будет хорошо, дай то Аллах, – успокаивал его Исмаил. – Завтра с утра вернусь за ними. С документами у них всё в порядке.

– Кому они нужны, эти документы?! – не сдержался Салман. – Им важно только одно – лишить народ боеспособных мужчин. Сделать карьеру, заработать, выслужиться. Закон? Порядок? Им плевать на это!

Затем он расспросил про «зачистку» и вместе с товарищами прошёл в дом.

Сулиман старался не попадаться отцу на глаза, пряча разбитую губу. Ему было стыдно не за рану – за то, что не смог защитить свою семью.

Поужинав, бойцы собрались уходить.

Сулиман, как и в прошлый раз, хотел проводить их.

– Я догоню вас, – сказал Салман своим друзьям у ворот и остался с сыном.

– Тебя били? – спросил он.

Сулиман кивнул, опустив голову.

– Один удар...

Салман положил руку ему на плечо.

– Ты теперь старший в семье, сынок. Будь мужчиной. Береги мать и сестру. Как только Беслан вернётся – продайте всё, уезжайте. За любую цену. Не сможете продать – раздайте. Но здесь не задерживайтесь. Понял?

– Понял.

– Не подведи меня.

Салман двинулся вдогонку к своим товарищам.

Сулиман, провожая его взглядом, медленно зашагал к дому.

Он ещё не знал, что Беслан – его единственный родной дядя – уже никогда не вернётся. Вместе со многими мужчинами, задержанными в тот день, Беслан был расстрелян. Их тела безымянно закопали в одну большую яму...

Глава 10

Рано утром следующего дня Исмаил снова поехал в Шали за своим братом и Бесланом.

Сулиман тем временем отогнал скот на пастбище, а потом начал обходить село, предлагая его на продажу. За полцены ему удалось продать всё. Теперь у него было много свободного времени – оставалось дожидаться дядю и собрать семью для отъезда. Сам Сулиман должен был уехать вместе с остальными, но твёрдо решил остаться. Он знал – с этим решением возникнут проблемы. Его попытаются переубедить, заставить покинуть Чечню. Но Сулиман уже подыскивал предлог, чтобы уйти к отцу.

Ближе к вечеру Исмаил вернулся. Новостей – никаких. Ни о Беслане, ни о своём брате он ничего не узнал.

Вечером вся большая семья собралась на кухне: Мадина, Сулиман с Розой, Исмаил и женщины-беженки с детьми.

– Мама, завтра Шамхан вывозит свою семью в Ингушетию. Может, поедешь с Розой с ними? – предложил Сулиман.

– Ты что? Конечно, нет. Во-первых, о твоём дяде ничего не известно. А во-вторых, я тебя здесь одного не оставлю. Я же знала, что ты попытаешься остаться. Даже не надейся.

– Я с ним согласен, – вмешался Исмаил. – Женщины и дети должны уехать. Война сблизила нас, мы стали одной семьёй. Мы с Сулиманом задержимся здесь. Как только наши вернутся, мы приедем к вам.

Но Мадина и слышать не хотела о том, чтобы Сулиман остался. Так и не приняв окончательного решения, все разошлись спать.

Сулиман и Исмаил устроились в одной комнате.

– Сулиман, – тихо позвал Исмаил, когда за окнами было уже темно.

– Да?

– Похоже, Салман сегодня не смог прийти домой.

– Да. Если бы хоть малейшая возможность была – он пришёл бы. Значит, сейчас далеко от нас...

Повисла пауза. Душу Сулимана наполнило ощущение пустоты. Раньше он не знал такого чувства.

– Почему ты вдруг вспомнил про него? – спросил он.

Исмаил сел на кровать. Сулиман тоже приподнялся.

– Пойду покурю, – сказал Исмаил, вставая.

– Курить можешь здесь. Сядь у окна. Но скажи, почему ты заговорил о моём отце?

Исмаил открыл форточку, закурил и, сделав несколько затяжек, заговорил.

– Сулиман... Нам нужно поговорить. По-мужски.

Сулиман почувствовал тревогу. Он вскочил с кровати и тоже подошёл к окну. По выражению лица Исмаила он понял: сейчас скажет нечто важное.

– Думаю... мы зря ждём Ибрагима и Беслана.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Сулиман.

– Сулиман, ты мужчина. Идёт война. Мы должны быть готовы ко всему. Не хочу говорить про интуицию – иногда она подводит. Но, судя по тому что я узнал... их, скорее всего, уже нет в живых.

Сулиман замер. В горле пересохло. Он не верил своим ушам.

– Ты хочешь сказать... их убили? – с трудом произнёс он.

– Очень бы хотелось, чтобы это была ошибка. Но среди задержанных в тот день был один человек, чей родственник занимает высокую должность. Его тело забрали. А нам они сообщили, что многих увезли в Грозный. Там расстреляли и закопали. Беслан и Ибрагим тоже были среди тех, кого повезли туда. Это я знаю точно.

Сулиман медленно сел на кровать и закрыл лицо руками.

– Нет... Я не верю. Этого не может быть. Дядя не мог погибнуть...

– Я тоже на это надеюсь. Пока не получим подтверждения – будем ждать, искать и надеяться. Но сейчас главное – немедленно отправить женщин и детей в безопасное место. С каждым днём здесь становится всё опаснее.

Сулиман молчал, не в силах вымолвить ни слова.

– Ты говорил, кто-то из ваших завтра уезжает? – продолжал Исмаил.

– Да, Шамхан.

– У меня есть немного денег. Себе оставляю только часть – на поиски. Остальное – отдадим женщинам. Пусть уезжают.

Комната погрузилась в тишину. Исмаил молча курил одну сигарету за другой. Сулиман всё так же сидел, не поднимая головы.

– Да, – наконец сказал он. – Я сегодня продал оставшийся скот. Так и сделаем. Отправим их.

Он поднял взгляд.

– Но у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Помоги мне убедить маму оставить меня дома. Она не слышит меня, даже не хочет обсуждать это. Пойми... отец на войне, дядя пропал. Я не могу уехать. Просто не могу.

– Я тебя понимаю. Хорошо. Рано утром сходи к Шамхану, уточни всё. Я поговорю с Мадinou и помогу собрать женщин и детей.

Так и договорились.

Сулиман прилёг. Исмаил выкурил ещё пару сигарет и, не раздеваясь, лёг на свою кровать.

Глава 11

– Об этом даже не думай! – решительно сказала Мадина. – Я тебя здесь не оставлю.

Сулиман только что вернулся от дяди, который собирался с семьёй покинуть республику. Он договорился, чтобы дядя забрал с собой Мадину, Розу и беженцев, временно приютившихся в их доме.

Исмаил рано утром снова поехал в Шали – в надежде узнать хоть что-нибудь о судьбе своего брата и Беслана. Беженцы уже были готовы к отправке. Оставалось убедить Мадину.

– Мама, ну почему ты не понимаешь? Я не могу уехать, – уговаривал Сулиман.

– Почему это не можешь?

– Мы всё ещё ничего не знаем о дяде. И на кого мы оставим дом? Вы же уезжаете не к чужим людям – тебя и Розу примут, позаботятся. Мне так будет спокойнее.

– А о тебе кто позаботится?

– Я уже взрослый, справлюсь.

– Знаю я, как ты справишься...

В соседней комнате беженцы ждали с вещами. На кухне сидели Мадина, Роза и Сулиман. Их чемоданы тоже были собраны.

– Хорошо. Допустим, я поеду с вами. А если нас остановят на блокпосту, меня задержат – что тогда? Что ты сможешь сделать? С кем ты Розу оставишь? Об этом ты подумала?

– И о тебе, и о ней, и об отце я думаю без конца! – голос Мадины задрожал. – Я с ума схожу от этих мыслей.

Она не выдержала и заплакала. Сулиман обнял её, прижал к себе, поглаживая по голове. Рядом заплакала и Роза.

– Мама... – прошептал он. – Прошу тебя. Уезжайте без меня. Так будет правильно. Так будет лучше. Мне самому будет спокойнее.

– А как мне быть? Каково это – оставить собственного ребёнка под бомбами? – сквозь слёзы проговорила Мадина. – Да уберёжёт нас Аллах...

Их разговор прервал дядя, вошедший в дом. Он уже был готов к отъезду и торопил родню.

– Ну что вы тут копаетесь? Люди вас ждут, – сказал он с порога.

– Сулиман отказывается ехать с нами, – тут же пожаловалась Мадина, надеясь на поддержку.

Беженцы стали выходить с вещами во двор.

– Тут сложно что-то советовать, – после недолгого молчания произнёс дядя. – Риски есть везде – и дома, и в дороге. Машина и так перегружена. Мне ещё не раз придётся ездить. Пусть Сулиман пока останется. Он здесь пригодится.

– Только пообещай, что привезёшь его потом к нам, – попросила Мадина.

– А ты можешь пообещать, что я живым вернусь? – спросил он в ответ. – Сейчас никто никому ничего не может гарантировать. Даже в мирное время.

Мадине ничего не оставалось, кроме как уступить.

– Только пообещай мне, что найдёшь отца и будешь рядом с ним, – сдалась она наконец.

Она понимала: сын не собирается просто оставаться дома. Ни на следующем рейсе, ни позже он не поедет – пока отец на войне, он будет здесь.

– Обещаю, мама. Спасибо тебе. Я тебя люблю. Ты – самая лучшая мама на свете, – Сулиман крепко обнял её. – Тебе не придётся за меня стыдиться.

– Я знаю, сынок, – прошептала Мадина, смахнув слёзы. – Береги себя. Да хранит тебя Аллах. Я отдаю тебя в Его руки.

Машина с беженцами тронулась с места. Сулиман стоял, глядя ей вслед, пока она не скрылась за поворотом.

«Лучше похоронить сына-мужчину, чем лелеять сына-труса», – прошептал он про себя, провожая взглядом уезжающих.

Он медленно направился к дому. Ни он, ни его родные не знали, что дядя уже не вернётся. Как и предполагал, на обратном пути его машина попала под ракетно-бомбовый удар. Обгоревшую технику спустя несколько месяцев нашли ополченцы. Тело дяди похоронили жители села, у подножия гор, на своем кладбище.

Глава 12

Теперь Сулиман был предоставлен самому себе. Впрочем, именно этого он и добивался.

Пока Исмаил отсутствовал, Сулиман не мог покидать дом. Но он надеялся уйти в горы раньше, чем отец вернётся и застанет его здесь. Вопрос – уходить ли в ополчение или, как их называли, «боевики», – для него даже не стоял. Ситуация в республике диктовала одно: шансов выжить было больше у тех, кто ушёл в горы.

Любой блокпост в те дни мог оказаться последней остановкой для крепкого, молодого чеченца. Или военные забирали человека при очередной «зачистке», и он бесследно исчезал. Или, не выдержав издевательств в фильтрационных лагерях, человек подписывал признание в преступлении которого не совершал, – и надолго исчезал за решёткой.

Сулиман, как и многие его сверстники, вовсе не хотел воевать. Он не хотел убивать. И не хотел умирать. Но жизнь в условиях войны, загоняла их в угол.

«Лучше погибнуть в бою, чем жить в страхе и терпеть оскорбления», – думал он. Так думали и тысячи других молодых парней.

Оставшись в пустом доме, Сулиман не находил себе места. Он разогрел чай, но выпил лишь пару глотков. Мысли вихрем проносились в голове: прошлое, настоящее... А будущее? Сплошной туман.

В тревожном одиночестве прошёл весь день. Никто не заходил. А он не выходил со двора – всё ждал дядю. Или хотя бы весточку.

Ближе к вечеру, наконец, вернулся Исмаил. Едва взглянув на него, Сулиман понял – надежд нет.

Он осторожно задал вопрос о результатах поездки, между делом накрывая на стол, чтобы накормить Исмаила.

– Абсолютно ничего нового, – устало ответил тот, усаживаясь за стол. – Как с животными обращаются...

Сулиман молча кивнул. Исмаил поинтересовался, как прошли проводы женщин и детей.

– Хм... – горько усмехнулся Сулиман. – Если бы деревья и камни умели плакать, был бы потоп. Конечно, были слёзы. Но слава Аллаху – я их отправил.

– Мадину удалось переубедить?

– Не без помощи дяди. Еле уговорили.

Они сидели на кухне, освещённой коптящей керосиновой лампой. Электричества в этих местах не было уже давно. Маленькие дети даже не знали, что это такое. Лишь ободранные столбы вдоль дороги напоминали, что когда-то в селе был свет. Провода давно исчезли – ушли в скупку цветмета.

– Что теперь будешь делать? – после паузы спросил Исмаил.

– Что мне остаётся? Пойду в горы. Мать я еле уговорил остаться. Отца не знаю – если бы он согласился взять меня с собой, я бы дождался. Но он попытается отправить меня за семьёй.

– Ты не хочешь уехать?

– Я не могу. Просто не могу.

Исмаил тяжело вздохнул.

– Эх... Вот бы мне твои годы. Завидую вам, и жалею вас. Молодые, сильные, красивые. Жизни не видели, а уже всё перепахано этой войной. Жаль... А завидую – потому что у вас ещё есть шанс. Есть возможность воевать. Отомстить. Стать кому-то опорой. Хотя как-то заглушить внутреннюю боль... У меня уже нет сил даже на ярость.

Сулиман слушал Исмаила, впервые по-настоящему всматриваясь в его измученное лицо. Он казался моложе своих лет, худощавый, сдержанный, спокойный. Но теперь, рядом, в полумраке лампы, в нём чувствовалась усталость, перенапряжение, груз боли.

Сулиман вспомнил, как Исмаил делился историей своей семьи: несколько недель назад он с братом похоронил родителей и сестру – в одну яму, прямо у себя во дворе. Потом, той же ночью, бежал вместе с оставшимися родственниками. Тогда Сулиман воспринял это рассказано буднично – слишком много было уже трагедий. Столько же, сколько разбросанных по республике тел.

А сейчас он по-настоящему понял: этот человек живёт с невыносимым грузом в груди. Он отправил женщин и детей – неизвестно куда. А брат, скорее всего, мёртв. И всё это – война.

«Сколько ещё выпало на долю этого человека?», – подумал Сулиман. «О, Аллах, дай ему сил...»

Исмаил потянулся за сигаретой.

– Пойду покурю, – сказал он, вставая.

– Нет-нет, – спохватился Сулиман. – Кури здесь. Сейчас это никому не помешает. Детей нет.

Он достал блюдце, поставил его на стол. Исмаил медленно опустился на край табурета, тяжело опершись на стол.

– Спасибо, Сулиман. Только... можно, я побуду один? Мне нужно остаться наедине с собой.

– Конечно. Я сам хотел пройтись вокруг дома.

На улице уже сгущалась темнота. Сулиман вышел во двор, опустил голову, сцепил руки за затылком и медленно пошёл вдоль дома. Внезапно – звук. Он остановился.

Из кухни донёсся странный, глухой звук. Он подошёл ближе и заглянул в окно. Исмаил плакал. Это был не просто плач. Это был сдавленный вой – как у раненого зверя. Исмаил, склонившись над столом, рыдал. Не тихо. Не прерывисто. А в голос, как волк, которого загнали и оставили одного.

Плечи его дрожали. Он больше не мог сдерживаться. Никаких слов. Только всхлипы, слёзы и одиночество.

Сулиман быстро отошёл от окна, ускорил шаг, продолжил обход дома. Он не хотел, чтобы кто-то услышал этот плач. Не потому что стыдился – нет. Просто Исмаил заслуживал быть один. Его нельзя было утешить. Ему нельзя было помочь. Только дать выговориться – или выплакаться.

«Мужчина может плакать только в трёх случаях», – вспоминал Сулиман слова матери, – «когда слышит песню о настоящей дружбе и кристально чистой любви, когда читают мавлид, и когда вспоминает погибшего друга...»

Исмаил сейчас вспоминал всех сразу – отца, мать, сестру, брата, о которых ничего не знал. Он был как птица без крыльев – создан летать, а теперь может только ползти по земле. Всё, что осталось – это боль. И нестерпимая тишина.

А виновата в этом всё – война. Проклятая война.

Глава 13

Когда Сулиман бесшумно подкрался к окну кухни, при свете керосиновой лампы он увидел лицо Исмаила – безучастное, словно высохшее от боли. Слёзы высохли. Он просто смотрел в одну точку перед собой.

Сулиман вошёл в дом. Хотел завести разговор, но не знал, с чего начать. Да и Исмаил явно не располагал к беседе. Тогда парень предложил горячий чай. Исмаил отказался. На приглашение лечь спать ответил:

– Спасибо, Сулиман. Ты хороший человек. Не беспокойся обо мне. Я тут посижу ещё, покурю. Потом сам приду, лягу. Мне бы хоть немного поспать...

Утром Сулиман проснулся раньше обычного. Несмотря на августовскую жару, он, как и все жители республики, ложился спать в одежде. В любой момент могли начаться бомбёжка или «зачистка». Люди жили в постоянной боевой готовности.

Сегодня он собирался уйти в горы. Не знал, в чей отряд попадёт, но был уверен – его примут. Там, в горах, все были свои.

Он хотел рассказать о своём решении Исмаилу. Подняв голову, посмотрел на постель, где обычно спал гость. Постель была нетронутой. Сердце сжалось.

Сулиман вскочил и выбежал из комнаты. На кухне, на том же месте, где он оставил его вечером, сидел Исмаил. Он склонил голову набок, положив её на сложенные руки. Глаза были закрыты.

Сулиман решил приготовить завтрак, пока тот спит. Тихо вышел в огород, собрал огурцы, помидоры, зелень. Вернулся и принялся за салат. Вскипятил чай. Исмаил всё так же сидел, не шелохнувшись.

Когда всё было готово, Сулиман подошёл и легко тронул его за плечо:

– Исмаил, вставай. Сейчас чай будем пить...

Исмаил не отозвался. После второго прикосновения, он всем телом тяжело рухнул на пол. Сулиман от неожиданности отпрянул, не успев подхватить. Спинка стула помешала.

Отбросив стул, Сулиман опустился на колени и схватил Исмаила за запястье. Холод. Настоящий, мертвенный холод.

Он замер, словно каменный. Потом выскочил во двор, остановился на крыльце и, как в лихорадке, начал перебирать мысли. Надо было что-то делать. Он почти дошёл до дома соседа – пожилого религиозного старика, чтобы позвать его на чтение отходной молитвы, но внезапно развернулся и вернулся назад.

Он не мог оставить Исмаила лежащим на полу. Не мог показать людям его в таком положении. Поднял тело, аккуратно уложил его на тахту, накрыл простынёй. Только после этого снова побежал к соседу.

– Сейчас приду, – кивнул старик. – Возьму Коран. А ты зови людей.

Через несколько минут двор Сулимана был полон мужчинами – родственниками, соседями. Это были особенные похороны. Женщин не пригласили. Из хозяев дома – только Сулиман. Родных Исмаила здесь не было. Никто не плакал. Только скупые мужские вздохи да молчание.

Искать родственников Исмаила было бесполезно, а перевозить тело – слишком опасно. Старейшины решили похоронить его здесь, на местном кладбище. Все поддержали. Несколько парней отправились на кладбище копать могилу. Остальные начали готовить тело по всем мусульманским традициям.

К обеду всё было завершено. Мужчины, не спеша, разошлись по домам.

Сулиман прямо с кладбища пошёл к своему дальнему родственнику, Саиду – тому, кто недавно купил у него последних бычков. Родственник чинил машину во дворе.

– Саид, ты ещё не зарезал быков?

– Нет. А что случилось?
– Продай мне одного обратно. Не прошу ту же цену – заплачу полную.
– А тебе он зачем?
– В нашем доме умер человек. Беженец. У него здесь никого нет. Я хочу раздать садакъя за его душу.

Саид вытер руки тряпкой и кивнул.

– Благое дело. Саидбек куда-то ушёл, найди его. Выгоните любого. О деньгах забудь. Он был нашим общим гостем. А от Беслана вестей нет?

– Пока нет. Спасибо, Саид. Где искать Саидбека?

– У соседей, наверное.

Сулиман быстро нашёл Саидбека, старшего сына Саида. Вместе они зашли в сарай.

– Какого выберем? – спросил Саидбек.

– Даже не знаю... Давай вот этого?

– Выгоните самого крупного, – крикнул из двора отец.

Бычка отвели в сад за домом. Саидбек подозвал на помощь соседей. С трудом завалили, Саид перерезал горло. Мясо разделили на части и раздали по селу – бедным, беженцам, инвалидам.

Только поздно вечером Сулиман вернулся домой. Он был совершенно измотан. Ни душой, ни телом он больше не принадлежал себе.

Сегодня он, конечно, уже никуда не пойдёт.

Глава 14

Поздней ночью Сулиману показалось, что его кто-то будит. Он был так измотан прошедшим днём, что не хотел просыпаться. Едва добравшись до кровати, он тут же провалился в тяжёлый сон. Хотелось верить, что всё происходящее – лишь сон.

Но кто-то сильнее потрянул его за плечо – и он проснулся.

В комнате было темно. Ничего не было видно.

– Кто здесь? – спросонья, почти крикнул Сулиман.

– Тише, – раздался знакомый голос.

Сулиман сразу узнал отца. Усталость как рукой сняло.

– Да вы что, все поумирали тут что ли? – проворчал Салман.

– А дома никого нет. Я один остался, – ответил Сулиман.

– Где все?

– Уехали. Позавчера.

Салман подошёл к окну, открыл форточку и окликнул:

– Джабраил! Заходите в дом.

Через мгновение в дом вошли трое его товарищей. Салман повернулся к сыну.

– У нас есть чем накормить гостей?

– Бульон с мясом есть. Правда, мясо на доньшке... Сейчас быстро что-нибудь подогрею, – отозвался Сулиман и выбежал на кухню.

– Поторапливайся. Времени мало, – сказал Салман и пошёл следом.

Сулиман зажёл керосиновую лампу, поставил кастрюлю на плиту. Гости расселись за столом.

– Мяса маловато... Может, к соседям сбегать? – спросил он у отца.

Салман встал, заглянул в кастрюлю.

– Хватит, – сказал он тихо. – Не надо никого тревожить. Да и мы сами идти не сможем, если набьём животы, – усмехнулся он.

– Верно, – поддержал один из бойцов с усталой улыбкой.

Они расселись. Салман повернулся к сыну.

– Ну, рассказывай. Что здесь нового? Как ты до такой жизни докатился?

Отец был на редкость в хорошем настроении, что порадовало Сулимана. Но внутри всё сжималось – ему предстояло сообщить плохие вести.

– Ничего хорошего, – тихо начал он.

– Совсем ничего? – переспросил Салман.

– Совсем.

– Странно... Вокруг – будто праздник. Каждую ночь фейерверки пускают. А всё это, значит, с плохими новостями?

«Он что, пьян?» – мелькнула у Сулимана странная мысль. Но он тут же отмёл её. Отец никогда не пил.

Судя по выражениям лиц бойцов, у них тоже был хороший, может, даже удачный день. Просто усталость давала о себе знать.

– От дяди и того, кто поехал с ним, вестей нет, – начал Сулиман, потупив взгляд. – А его брат... старший... умер.

Тишина. Лица бойцов потемнели.

– Как умер? Где? Когда? – сразу спросил Салман.

– Здесь. На кухне. Ночью. Сердце наверное, не выдержало. Мы его похоронили днём. На нашем кладбище.

– О, Аллах! – выдохнул Салман. – Да простит ему Всевышний прегрешения.

– Амин, – эхом отозвались бойцы.

Молчание заполнило кухню. Потом Салман заговорил.

– Знаете, каким человеком был Исмаил? Благороднейшим. Дух – как у льва. Хоть и был он невысок и худощав, силу его духа мало кто бы выдержал. Выжил там, где другие падали... Его хотя бы по-человечески похоронили? – спросил он сына.

– Конечно. Я сразу позвал Абуезида, он всё организовал. Потом пошёл к Саиду, хотел выкупить бычка для садакъя. Но Саид отказался брать деньги. Сказал, это был наш общий гость. Зарезали бычка, раздали мясо нуждающимся. Я очень устал вчера, поэтому спал как убитый.

– Молодцы, – кивнул Салман. – Правильно поступили.

– Да воздаст вам Аллах, – сказал один из бойцов.

– Амин, – поддержали остальные.

Когда еда была готова, Сулиман накрыл на стол. Один из бойцов – почти ровесник Сулимана – помог с посудой.

После трапезы, Салман выложил на стол пистолет, пять обойм, три гранаты.

– Теперь слушай меня внимательно, – обратился он к сыну. – Наша база сейчас к югу от Ведено. В сторону высоких гор. Сегодня отдыхай, выспись. А завтра отправишься к нам. Вместе с этим парнем. Его зовут Расул.

– Понял, – кивнул Сулиман.

Его охватило облегчение. Отец не будет уговаривать его уехать.

Он даже хотел попроситься пойти прямо сейчас, но не стал – боялся спугнуть решение отца.

– У Расула больная нога. Ему будет тяжело. Так что пусть отдохнёт здесь. А ты... Оружием пользоваться не разучился?

– Конечно нет, – ответил Сулиман.

Салман кивнул и вдруг посерьёзней.

– Сегодня в леса сбросили несколько групп десантников. Никто не знает, наткнёмся мы на них или нет. Но если что – запомни главное: я запрещаю тебе сдаваться. Ни при каких обстоятельствах. Ты понял?

– Понял, – ответил Сулиман, вскинув голову.

– Весть о твоей смерти я приму легче, чем если узнаю, что ты попал в плен. Лучше умереть! Я знаю, что говорю. Ты сам поймёшь, если, не дай Бог, попадёшь к ним в руки. Да убережёт нас Аллах от этой участи.

– Амин! – в унисон отзывались бойцы.

Глава 15

Ночью, вместе с двумя товарищами, Салман снова ушёл в горы. Дома остались только Расул и Сулиман.

Проводив отца и ополченцев, Сулиман постелил гостю, и они легли спать.

На следующий день Сулиман проснулся раньше. Стараясь не разбудить Расула, он бесшумно встал и на цыпочках вышел из комнаты.

Он прошёл на кухню, поставил чайник и достал пистолет, который вчера передал ему отец. Разобрал оружие, достал машинное масло и начал его чистить.

В этот момент в кухню вошёл Расул.

– Почему не разбудил меня? – поздоровавшись, спросил он.

– Хотел, чтобы ты выспался.

– И как теперь пойдём? Ждать до ночи будем?

– Зачем? Сейчас позавтракаем и пойдём, – уверенно сказал Сулиман.

Расул улыбнулся и присел за стол.

– Молодой ты ещё... и наивный, – сказал он. – Как я по-твоему, выйду из вашего дома днём, в военной форме и с оружием?

– А что такого? Война ведь. Если бы мы вышли с удочками, вот тогда может, и засмеяли бы. А так, по времени. Война ведь идет.

Улыбка не сходила с лица Расула.

– Чайник уже кипит. Иди разливай. Быстренько перекусим и пойдём.

Сулиман собрал пистолет, затем пошёл вымыть руки от масла. Удобств не было – воду наливал кружкой прямо на кухне.

– У тебя найдётся во что переодеться? – спросил Расул.

– Я не понимаю... Кого ты стесняешься? – удивился Сулиман.

– Дело не в стеснении. Просто не хочу, чтобы кто-то видел, как из этого дома выходит вооружённый человек в форме.

– Думаешь, кто-то сдаст?

– Вопрос в другом. На допросе мало кто выстоит. А под пытками – почти никто. Жизнь, какой бы горькой она ни была, остаётся сладкой. Никто не хочет с ней расстаться.

– Знаешь... я об этом как-то и не думал.

– Так я и понял. Молод ты ещё. Поживёшь – поймёшь. Давай, завтракай. Потом подберём одежду, и я запрячу оружие.

Сулиман мысленно поблагодарил Расула за этот короткий, но важный урок. «Вот почему отец всегда приходил ночью... Украдкой... Он нас оказывается берег. А мне это не нравилось. Я ведь думал: почему он как вор? Почему не может прийти днём, по-человечески?»

Позавтракав, Сулиман достал из шкафа несколько вещей, выложил на кровать.

– Положил одежду. Выбери, что подойдёт, – сказал он.

Расул ушёл в комнату, а Сулиман стал искать, куда бы спрятать оружие.

Свою ношу он уложил компактно. Расул же шёл нагруженным: автомат, несколько гранат – и противопехотных, и противотанковых – «разгрузка» с десятком рожков.

Когда всё было готово, они направились к выходу.

– Пойдём кратчайшим и самым незаметным путём, – предупредил Расул.

– Хорошо, – кивнул Сулиман и первым вышел за ворота.

– Ты дверь не закроешь? – спросил Расул, спускаясь по ступенькам.

– Зачем? Сюда чужие не ходят, – ответил Сулиман, даже не оборачиваясь.

Через некоторое время они подошли к лесу, который почти примыкал к окраине села. Сулиман нёс более тяжёлую ношу. Расул шёл за ним, слегка прихрамывая. В мешках – оружие и форма.

– Стой. Привал, – сказал Расул.

– Устал?

– Нет. Переодеться надо. Оружие достать.

– А, понял, – Сулиман опустил мешок на землю.

– Отвернись, – попросил Расул, доставая одежду.

Осень уже подкрадывалась к лесу. Листья начинала желтеть. Через редкие деревья ещё была видна окраина села.

– Что у тебя с ногой? – спросил Сулиман, не оборачиваясь. – Ранили?

– Да нет... Один придурок из села. До войны ещё. Лихач. Въехал в меня на своей тачке. Рядом был столб. Мог бы на него машину направить, так нет – пожалел железо, влетел в меня. Потом ещё врачебная ошибка. Вот теперь и хромаю. Надеюсь, хоть в конце войны убьют, в последнем бою, – усмехнулся он. – А то ведь так и останусь калекой. Ни одна здоровая не захочет за меня замуж выйти. Придётся искать такую же, хромую, с костылём... и глотать слюни при виде красивых и здоровых девушек. Всё, можешь повернуться.

Сулиман обернулся. Расул был уже в форме и при оружии. Достал штык-нож, начал рыть землю.

– Зачем это? – удивился Сулиман.

– Сложи свою одежду в мешок. Закопаем. Лучше бы конечно, сжечь, но огонь может привлечь. В лес сбросили десантуру. Лучше не рисковать.

Они закопали мешок с гражданской одеждой, взвалили на плечи оружие и углубились в лес.

Глава 16

Более полукилометра друзья прошли молча. Расул шёл впереди.

– Дай мне разгрузку, – предложил Сулиман.

Все гранаты были у него, но на Расуле висела полная разгрузка и автомат. Сулиману стало жаль хромого спутника. С такой ношей идти по горам было непросто.

– Нет, я уже привык, – отмахнулся Расул.

– А ты давно воюешь?

– С самого начала почти. С другом в Грозный пришли – Новый год тогда был. Его убили... а я держусь, хоть и с этой ногой, чёрт бы её побрал.

– А родители у тебя есть?

– Нет. Всю мою семью убили. Я один остался. Мы с другом как-то пришли домой, с оружием. Гордились, дураки. Потом начались зачистки. Видимо, кто-то не выдержал пыток – сдал. Всю мою семью расстреляли. Сволочи. Потому я и не хотел выходить из вашего дома в военной форме. Люди у вас не злые, не плохие. Просто жить хотят. А за это их нельзя судить.

– Ты винишь себя в том что с семьей произошло?

– Отчасти. За то что пришёл домой с оружием. Да... Но даже если бы пришёл без оружия, мало бы что изменилось. В тот день много кого расстреляли. Целыми семьями. Даже тех, кто к войне отношения не имел. Но тех, у кого в семье был участник, убивали с особой жестокостью. Сжигали заживо, рвали на части, привязывали к БТрам... С трупов зубы золотые вырывали, серьги с ушей с мясом снимали.

– О, Аллах... даже слышать страшно.

– Война. Никогда не думал, что такое переживу. Иногда до сих пор кажется, не наяву всё это. Как в дурном сне. Человек – самое жестокое существо на земле.

– Да... К сожалению, это реальность. А сколько тебе лет?

– Двадцать четыре. А тебе?

Сулиман задумался.

– О, Аллах... Мне ведь двадцать два уже. Я и забыл, что у меня день рождения был. Двадцать восьмого августа.

– Ха... неудивительно. Тут не то что день рождения, тут и фамилию свою можно забыть.

Они поднимались на очередной склон, когда вдруг Расул резко остановился и взмахом руки приказал Сулиману остановиться. Затем повернулся, приложил палец к губам и жестом показал – присесть.

Друзья бесшумно поползли к ближайшему дереву. Расул закрыл собой Сулимана, снял автомат с предохранителя и начал прислушиваться.

Сулиман за его спиной старался не шевелиться, дышал почти беззвучно. Он даже слышал, как бьётся его сердце.

Так они просидели почти полчаса. У Сулимана затекли ноги, но он не двигался.

– Всё, – наконец шепнул Расул. – Похоже, можно выходить.

– Что это было? – спросил Сулиман, тоже шепотом.

– Десантура. Сиди. Я сейчас. Будь наготове.

Словно хищник, Расул отполз в сторону и вскоре исчез из виду. Сулиман снял пистолет с предохранителя и стал массировать затёкшие ноги.

Через несколько минут Расул вернулся.

– Пойдём, – тихо сказал он и, осматриваясь по сторонам, зашагал дальше.

Через тридцать метров он вдруг остановился, достал штык-нож и начал рыть землю. Место, которое он раскапывал, было покрыто сухими листьями. Ничего не выдавало присутствия людей.

Из земли показались пустые консервные банки и упаковки от сухого пайка.

– Понятно... – тихо сказал он.

– Что понятно?

– Обедала тут, десантура. Чуть прямо в пасть к ним не попали.

– Здесь были десантники?! – Сулиман побледнел.

– Были.

Расул встал, начал внимательно осматривать окрестности.

Сулимана охватил страх. Словно холодной волной накрыло. Он вспомнил отцовский наказ – не сдаваться живым. Представил, как мог бы лежать сейчас здесь, в этом лесу, расстрелянным... как тело его сгниёт в тени деревьев или станет добычей зверей. Он по-настоящему почувствовал дыхание смерти. Но виду не подал. Посмотрел на Расула, который совершенно спокойно продолжал осматриваться, и ему стало чуть легче.

– Что теперь? – спросил Сулиман.

– Подождём немного и пойдём за ними.

– За ними?

Сулиман молча молился про себя, прося у Аллаха сил – побороть страх и не поддаться панике.

– Да. Они наверняка наткнутся на какой-нибудь из наших отрядов. Мы прикроем им отход.

Эти слова вызвали у Сулимана нервный смешок. Паника отступила. Ему даже стало весело.

– Прикроем отход? А сколько их было?

– Я насчитал более десяти. Ну, двадцать будет точно. Обычно их отряды такие.

– И ты считаешь, что мы вдвоём прикроем отход отряду хорошо вооруженного и обученного спецназа?

Расул посмотрел на него, усмехнулся.

– Нам же не всех ликвидировать. Большую часть наши и так положат. Нам только остатки достанутся. Да и те, полумёртвые от страха. Мы только выглянем из-за дерева, рожи скорчим, и всё. Сами от ужаса помрут.

Тут Сулиман уже не сдержался и рассмеялся, прикрыв рот руками.

Расул тоже хмыкнул.

– У них ведь только тела здоровые и мускулы. А души, заячьи. Они сюда не умирать пришли, а убивать. Убийцы – не воины. Ни веры, ни правды в них нет. Карьера и деньги, это всё, что у них есть. Вот и вся их “идеология”.

Глава 17

Посидев ещё немного, друзья снова тронулись в путь.

– Будь осторожен, – тихо предупредил Расул.

– Могут заминировать? Или растяжки поставить? – попытался блеснуть смекалкой Сулиман.

Но Расул сразу осадил его.

– Нет. Они не дураки. Себе путь обратно не перекроют. Они ведь не исключают, что придётся отступать. Просто, по нашим данным, сюда сбросили не один отряд. Так что смотри по сторонам. И помалкивай.

Сулиман больше не проронил ни слова. Он шёл молча, глядя на спину Расула и размышляя о нём.

«Какой ты удивительный человек, – думал он. – Мы знакомы всего несколько часов, а я чувствую, будто дружим всю жизнь. Говоришь, как поёшь – спокойно, уверенно, без лишнего пафоса. И при этом – ни злости, даже к тем, кто уничтожил твою семью. Только горькая, но разумная ненависть. И презрение – чистое, холодное, справедливое – к убийцам своего народа».

Они прошли длинный отрезок пути. Наконец, у поваленного дерева Расул остановился, огляделся по сторонам и присел.

– Привал, – сказал он, устало потирая больную ногу. – Эти «зайчики», скорее всего, тоже сейчас «приваливают». Хотя чёрт их знает... Могли и дальше пойти. Они ведь, собаки, крепкие. Натренированные. Не то что мы, с огорода напрямик в лес, лопаты на автоматы поменяли, – усмехнулся он.

Сулиман сел рядом, тоже оглядываясь по сторонам.

– В первое время вообще не целился, – продолжал Расул. – Ни разу до этой войны оружие в руках не держал. Нажимал на курок, и только глазел по сторонам, как другие стреляют. А мой автомат сам по себе палил, куда хотел. Меня самого тряс, бил по плечу. Закончатся патроны, рожок сменю, и снова по кругу.

Сулиман еле сдерживал смех.

– Прекрати, – сказал он, – а то я сейчас так заржусь, что и нас заодно «выдадим».

– А теперь, – уже серьёзно продолжил Расул, – по одному только свисту могу определить калибр пули и расстояние, с которого стреляют.

Он положил руку на плечо Сулимана и посмотрел ему в глаза.

– Вот так, брат. Вот она – война. Чёрт бы её побрал.

Сулиман не отрывал взгляда от этих глаз, пока Расул не отвернулся.

– Скажи, Расул... ты боишься смерти?

Тот помолчал и, не глядя на собеседника, ответил:

– Нет. Поначалу страшно. Потом привыкаешь. Потом, устаёшь бояться. А потом уже смеёшься ей в лицо. А ты? Боишься?

Сулиман задумался.

– Знаешь... вот тогда, когда мы чуть не наткнулись на десантников, мне стало по-настоящему страшно. Никогда так не боялся. А потом ты своими шутками меня отвлек... как рукой сняло.

– Не стоит её бояться, – сказал Расул, всё так же спокойно. – Если срок твой не пришёл – она тебя не тронет. Просто попугает и уйдёт. А если пришёл... хоть в небо улетай, догонит. Всё равно догонит.

Он махнул в сторону, где недавно были десантники.

– Они такие же. Пока ты их не боишься, они тебя боятся. Начнёшь бояться, вот тогда они становятся по-настоящему страшными. Смерть такая же. Не бойся её. Оставайся человеком. И помни – она неизбежна. И когда почувствуешь, что пришла не попугать а забрать, просто скажи: «Прощайте, братья, встретимся в Раю. Я вам там местечко приготовлю». А перед этим, или после, поблагодари Всевышнего, что вообще побывал в этом мире. Он грязный, он грешный... но в нём хватает и хорошего. Ну как? Убедил, что смерть не такая уж страшная?

– У меня нет слов... Тебе не воевать надо, Расул. А учить жить. Не существовать, а жить. Если честно, я не боюсь смерти. Но не хочу умирать, пока не кончится эта проклятая война. Пока мир не наступит на нашей земле. Хочу увидеть, как люди улыбаются, живут. Как смотрят на чистое небо, не со страхом, что сейчас прилетит бомбардировщик, а просто любуются небом.

– О, брат... жирный у тебя аппетит, – рассмеялся Расул. – Дай Аллах. Дай Аллах нам всем дожить до такого времени.

– Амин!

– А знаешь, сколько ребят отдали свои жизни, чтобы наш народ жил в мире и благоденствии? Они все хотели жить. Мечтали о семье, о детях. А не дожили даже до этих беспокойных дней. Кто-то должен был умереть, чтобы кто-то другой увидел солнце и не боялся, что оно – последнее.

Слова Расула пронзили Сулимана до боли в груди. Ему стало стыдно. Он вспомнил погибших друзей и братьев. Вспомнил невинных жертв войны. Эти слова – «Сколько ребят отдали свои жизни, чтобы наш народ жил в мире и благоденствии» – эхом отпечатались в его душе. Он ещё не знал, как часто будет слышать их у себя в голове...

– Почему ты замолчал? – спросил Расул.

– Знаешь... мне вдруг стало страшно и стыдно одновременно. Стыдно – что многие мои сверстники погибли. А я хочу жить. Хочу дожить до мира. Хотя бы увидеть его. И страшно... что нас осудят. Что наш народ забудет нас. Что подумают – зря мы сражались. Может, стоило сдаться? Что если всё это было зря?

– Этого бояться не надо, – покачал головой Расул. – Мы не поймём всего. Это большая, грязная политика. Я ушёл на войну почти сразу. Времени думать тогда не было. Потом – было. Очень много времени. Но другого выбора у нас не было. Мы не нападали. Не мы пришли на чужую землю. К нам пришли. А что касается нас, о нас будут писать книги, слагать стихи, петь песни, снимать фильмы. Люди будут помнить нас. Будут города. Красивые, свободные. Люди в них будут счастливы, и не будут бояться за своих детей. И будут помнить о нас. Наша заслуга в том, что мы сохранили веру, свободу, честь. Мы не позволили уничтожить свои корни. Не позволили превратить наш народ в рабов. Да, не все доживём. Не все увидим освобождённую родину. Но день этот настанет. Настанет обязательно.

– Дай то Аллах... – тихо сказал Сулиман. – Хорошо сказал, брат. Очень хорошо.

Глава 18

Расул встал, огляделся по сторонам.

– Нам пора, – сказал он. – Но, похоже, я немного потерял ориентир.

– Этого ещё не хватало... И что теперь?

– Двигаться. Мы же не будем здесь сидеть вечно. – Он замер, огляделся снова и, указав рукой, добавил – Думаю, нам туда.

– Тебе виднее. Мне всё равно остаётся только идти за тобой.

– Мда... взрослеешь и умнеешь прямо на глазах. Пошли.

– А если до самой ночи придётся блуждать? Придётся здесь и ночевать?

– До темноты на кого-нибудь наткнёмся. Или в перестрелку влезем, или в село какое выйдем. Одни точно не останемся. Ну, а если и заночуем в лесу, не страшно. Это наш лес. Наша земля. Ты что, боишься ночевать в лесу?

– Нет. Просто не приходилось. Даже интересно.

– В лесу наших ребят хватает. Ладно, пошли.

Они двинулись вперёд. Расул шёл неуверенно, часто оглядываясь по сторонам. В зарослях почти ничего не было видно. Так, медленно, осторожно, они продвигались сквозь густой лес.

Когда добрались до участка, где деревья стояли пореже и видимость стала лучше, Расул остановился.

– Слушай внимательно, – тихо сказал он. – Дальше идём на небольшом расстоянии друг от друга. Сбоку. Я твоего отца знаю хорошо. И ты, похоже, такой же – слишком правильный. Слышал, что чеченцу зазорно стрелять в спину?

– Конечно.

– Так вот. К этим убийцам это не относится. Понял?

– Почему?

– Потому что они не воины. Но стрелять им в спину нам скорее всего, не придётся. Бежать им некуда. Или от наших к нам, или от нас к ним. Это я так, на всякий случай. А сейчас, слушай меня. Пока я здесь старший. Командир. Понял?

– Понял, – улыбнулся Сулиман. – Я разве тебя не слушаюсь?

– Куда денешься с подводной лодки. Смотри почаще на меня. Я буду показывать жестами. Говорить больше не будем. Ясно?

– Ясно.

– Из чего тебе удобнее стрелять – из автомата или из пистолета?

– Думаю, из пистолета.

– Чёрт. Надо было вчера второй автомат взять. Ладно. Кто ж знал, что так всё повернётся.

– Ты считаешь, что автоматом проще?

– В бою, однозначно. А с этой мухобойкой, – кивнул он на пистолет, – только по банкам стрелять. В бою одной рукой стреляешь, другой, рожки меняешь. Сколько у тебя обойм?

Он быстро осмотрел пояс Сулимана.

– Пять всего?.. Ладно. Будем держаться поближе друг к другу. Гранатами пользоваться умеешь?

– Умею. Правда, учебными только пользовался. У отца, когда он в Волгограде служил.

– Сойдёт. Кольцо выдёргиваешь, и бросаешь...

– Знаю я, знаю.

– Напоминаю: гранату бросаешь. Не кольцо.

– Спасибо, что уточнил, – тихо рассмеялся Сулиман. – Ты никогда не умрешь.

– Знаю.

– Ты хоть улыбайся, когда шутишь. А то подумают, что ты псих.

– Был бы нормальный, сейчас на пляже валялся бы. Ладно. Хватит болтать. Всё понял?

– Понял.

– В настоящем бою ты, насколько понимаю, ещё не был?

– Пока нет.

– Тогда запомни: главный враг в бою, это страх. Забудь про него. Ничего с нами не случится. Мы уже победили. Даже если погибнем, мы победители. С нами Аллах, один автомат и пистолет. А за нами, Родина-мать. Вперёд.

Они рассредоточились и пошли дальше, на расстоянии, в полной тишине.

Но не успели пройти и сотню метров, как впереди раздались выстрелы.

Друзья переглянулись.

– Вперёд! – крикнул Расул и рванул вперёд. – Теперь иди за мной!

Раздался бой. Стрельба была совсем рядом, не более чем в пятидесяти метрах.

Расул бросился к ближайшему дереву, прижался к стволу и жестом подозвал Сулимана. Тот тут же оказался рядом.

– Сейчас они ещё немного постреляют... потом, возможно, десантура двинется в нашу сторону, – шепнул Расул, тяжело дыша. – Надо кричать: «Аллаху Акбар!». Чтобы наши и по нам не стали стрелять. Понял?

– Понял.

Над головами свистели пули. Слышались короткие, отрывистые команды и хаотичные крики.

– Отходим! – донёсся голос одного из десантников.

– Ага... отходите... – прошептал Расул. – Сулиман, береги себя. Стреляй только после меня. Понял?

– Да.

– Ох, вот бы сейчас пулемёт...

Расул метнулся вперёд, за другое дерево, и приготовился к стрельбе. Сулиман следил за ним.

– Аллаху Акбар! – вскрикнул Расул и открыл огонь по отступающим фигурам.

– Аллаху Акбар! – подхватил Сулиман и выстрелил из пистолета.

Вначале он не понимал, куда стрелять. Десантники были хорошо замаскированы. Первая обойма ушла в никуда. Он достал гранату и чуть было в спешке не метнул... кольцо, как в шутке Расула. Только в последний момент спохватился.

Грянул взрыв.

– Молодец, Сулиман! – крикнул Расул. – Так держать!

– Ребята! Мы окружены! – донёсся голос одного из десантников.

– В плен не сдаваться! – скомандовал другой.

– Да кому вы нужны... – тихо пробормотал Сулиман, продолжая вести огонь.

Глава 19

Бой длился чуть меньше пятнадцати минут.

Воцарилась тишина. В ушах Сулимана звенело от внезапной разрядки – резкий грохот выстрелов, рвущих воздух, сменился тягучей, тревожной паузой. Он продолжал следить за неподвижными телами десантников, всматриваясь, не шевелится ли кто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.